

ПОРТРЕТ

«Эль Кондор Паса». «Мост над бурными волнами». «Миссис Робинсон». Кому из поколения 60—70-х не знакомы эти песни! Загнанная у нас в те годы в полуподполье поп-музыка прорывалась к нашему забитому отечественному слушателю, в частности, и в виде таких незамысловатых, но в то же время столь экзотичных соцветий, как Пол Саймон и Арт Гарфункел.

Популярный дуэт полноценно существовал, радовал зрителя. Затем, увы, распался. Но почему же в течение последних полутора десятков лет жизненные тропинки этих легендарных музыкантов то и дело пересекаются? Быть может, потому, что легенда, однажды явившись миру, существует в нем уже вполне самостоятельно, вне зависимости от судеб тех, кто ее слогал.

О последней такой встрече Саймона и Гарфункела, о ее причинах рассказал журнал «Ньюсуик», материал из которого мы публикуем с некоторыми сокращениями.

Пол Саймон:



НОСТАЛЬГИЯ ПО БРИЛЛИАНТАМ НА ТУФЕЛЬКАХ

В манхэттенской студии Пола Саймона перекур. На доске у входа можно прочесть написанное мелом: «Сегодня репетируем «Джулио и я», «Полсотни дорог», «Поздно вечером», «Потерять голову от любви». С десятков музыкантов настраивают инструменты в огромном, размерами с авиационный ангар, звуконепроницаемом репетиционном зале. Все в ожидании. Вот-вот должны подъехать южноафриканская группа «Лейди-смит Блэк Мамбаро» и господин Арт Гарфункел, проживающий в Куинсе. Концерты Пола Саймона всегда отмечались широким международным составом. Саймон по-особому бережно, как много лет назад, берет гитару. Нельзя терять ни минуты. Впереди — «Концерт длиною в жизнь»...

Конечно, недавно состоявшаяся в Нью-Йорке премьера «Концерта длиною в жизнь» была одной из причин, заставившей Пола Саймона, склонного к перемене мест, довольно долго просидеть взаперти на сту-

дии «Парамаунт». Причина, но не главная. Саймон дожидался презентации ретроспективного альбома «Пол Саймон: 1964—1993».

Увы, подобные сборники некоторых погасших «звезд» в последнее время стали напоминать мавзолеи, под крышами которых собраны останки творчества музыкантов, утративших известность или вообще ушедших в мир иной.

Но этот сборник несколько иной. Он венчает карьеру, маршрут которой пролегал строго на север по стрелке компаса, несмотря на многочисленные магнитные возмущения. Для таких музыкантов, как Саймон, вообще не существовало понятия «юг».

Двадцать лет назад Саймон (недавно певец отпраздновал свой пятидесятилетний юбилей) очень точно пожалел, что не сгубил курочку, не сварив из нее бульон. Курочку, которая позже снесла для него золотое яичко. Сегодня он чистосердечно признается: «Я многие годы считал, что успех

Саймона и Гарфункела лишь в уникальности их голосов. Для любой другой карьеры это и так слишком много. Но только сейчас я понял, что кое-чего стоят и наши песни...». Какое озарение в пятьдесят лет!

В свою очередь, в документальном фильме «Рожденный в нужное время» Гарфункел вспоминает: «В годы «Саймона и Гарфункела» Пол был до ужаса занят. Тогда его любимым припевом были слова: «Я верю в будущее, плохо нам больше не будет».

Сегодня Пол Саймон действительно живет вполне благополучно. Женатый на двадцатисемилетней поп-певице Эди Бриккел, счастливый отец вот уже десять месяцев растит сына Адриана. Вы можете спрашивать Саймона о чем угодно, но единственная тема, на которую он способен говорить членораздельно, — музыка: о том, как на «шесть восьмых» вдруг рождается песня, становящаяся приметой времени; о том, как подбирается одна неповторимая тональ-

ность, как воздух, которым дышит песня; о том, как две строчки, две музыкальные фразы могут дать настроение целому альбому.

Когда Саймона спрашивают о том, как его карьера выглядит на фоне успехов Маккартни или Джаггера (вопрос более чем рискованный!), он ходит вокруг и около, чтобы дать единственно верный ответ: «Наши карьеры соизмеримы»,... а потом проявляет еще большую гибкость, чтобы не принизить и не возвысить никого из названных музыкантов: «Я не думаю, что кто-нибудь вообще мог бы оценить наше творчество по достоинству». Но в некоторых песнях альбома, еще не знакомых слушателю, меру, по которой ценить Саймона, все-таки можно найти. Стоит послушать «Страну Чудес» или романтичные узоры «Ритмов святых», чтобы стало ясно: выживший динозавр Саймон — единственный сочинитель песен среди представителей своего поколения, все еще явля-

ющий собой для слушателей интерес и еще способный к переменам и вере в будущее.

...Но да, был еще «Концерт длиною в жизнь». Там тоже многое стало ясно из взаимоотношений Саймона и долгое время считавшегося его двойником товарища. Поначалу казалось, что «концертное мероприятие всей жизни» превратится в праздник искусства Арта Гарфункела. Когда оба вышли кланяться на первые овации, Саймон отступил назад, позволяя Гарфункелу насладиться сочными плодами публичного обожания. Но после того как пара музыкальных профессионалов размялась на новой аранжировке их знаменитого «Боксера», а потом каутировала публику «Американкой» и «Возвращением блудного сына», Гарфункел хитрым образом опередил Саймона, сделав широкий жест в его сторону, щедро подарив ему зрительские аплодисменты.

Саймон, «полиглот» поп-музыки, имел такой успех в своих мультимедийных жизнях, что он уж, наверное, мог позволить себе делиться своим достоянием. Тем более, с близким другом. Гарфункел ушел за кулисы через сорок минут, потом вернулся опять. Саймон за это время так и не проявил желания превратить

чувствуя подсознательно, что его нынешнее песнетворчество не более проникновенно, чем тогда, когда с Гарфункелом они были одним целым? Спорадические встречи дуэта для разных выступлений вызывали у публики смешанные чувства: порой энтузиазм, порой едковатые насмешки. Но гасли огни рампы, и музыканты расходились в разные стороны.

Их совместное шоу, устроенное в «Парамаунте», конечно, не принесло особых открытий, сравнимых с началом творческого пути дуэта, хотя успех бесспорен. «Мы несем на себе багаж прошлого. Тяжеловато, — признается Саймон. — От чего-то нужно освободиться. Чем больше времени мы проводим, рассуждая о том, как сложились наши карьеры, тем больше путаницы в голове, не способствующей творчеству».

А как же быть с ностальгией? Ведь сколько ни отбивайся от нее руками и ногами, она неизбежно сквозит в контексте любой встречи Саймона и Гарфункела на сцене?

«Пока я не поощряю тоску по прошлому, я не отбиваю к ней охоту, — это один из парадоксов, часто звучащих из уст Саймона. — Если песня ассоци-

представление в «театр одного актера». Но публика дошла до точки кипения в тот момент, когда пошли хиты «Тома и Джерри» — так дуэт называл себя еще в самом начале, в годы учебы в университете. И пусть не всегда их голоса сливались, как тогда, в годы юности. Но когда после лирических строк песни «Петрушка, шапфей, розмарин и тимьян» аудитория не могла успокоиться минут пятнадцать, всем стало ясно: фирма «Саймон и Гарфункел» еще жива.

Но все же, что заставляет Саймона жить напряженно творчески в течение трех десятков лет? Многие считают, что это воображение плюс очарование певца плюс его глубокая музыкальная культура. Да, есть классический «Эль Кондор Паса», но рядом с ним — композиция «Мать и сын снова вместе», ритмы с бразильским акцентом в «Джулио и я», кипящий брейк с солом на трубе в песне «Поздно вечером».

Страдает ли Саймон сейчас,

ируется у публики с хрестоматией, которую то и дело надо листать, что ж, это совсем неплохо».

А вот еще одно признание: «Вчера мы репетировали «Бриллианты на туфельках любимой» в сопровождении двух ребят из Южной Африки. Я вел партию на гитаре, и нам с Арти пелось очень легко. Я порой неделями не выхожу из студии, репетируя во всех музыкальных формах, ищу неизведанного. Но тогда с Арти у нас получилось нечто, что случается только в юности: простая гармония двух голосов».

И можно дать голову на отсечение, что в этих словах Саймона сквозит настоящая ностальгия.

Материал подготовил
С. ТОЛКАЧЕВ.

● Пол Саймон и Арт Гарфункел в 1958 году. ● Пол Саймон сегодня.

Фото из журнала
«Ньюсуик».